

КАТАЛИЗАТОР КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Святослав Бэлза считает, что «Киношок» выполняет особую функцию

Екатерина Варкан

В Анапе прошел десятый, юбилейный «Киношок». Фестиваль этот собирает фильмы и гостей из стран СНГ и Балтии. «Киношок» сегодня, пожалуй, единственный реальный повод собраться вместе творческой интеллигенции всех бывших союзных республик. Нынешний смотр был отмечен и самым звездным составом жюри, которым руководил Владимир Досталь. Рядовыми же его членами стали председатели жюри прошедших фестивалей – Роман Виктюк, Анатолий Васильев, Андрей Битов, Святослав Бэлза. Святослав Бэлза на «Киношоке» уже в восьмой раз, он возглавлял жюри на втором и седьмом фестивалях.

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ, как вам показался нынешний «Киношок»?

— Надо сказать, что работать в жюри было приятно, потому что в него вошли люди, знаменитые в своем деле, со своим авторитетным мнением. Но и достаточно сложно, потому что, скажем так, не всегда фильмы удовлетворяли взыскательному вкусу членов жюри. Но мы понимаем, что «Киношок» выполняет еще особую функцию. Собственно, на каждом фестивале идет жизнь, которую не видит широкая публика, но она является очень важной, и именно это общение, его роскошь выступает здесь на первый план. «Киношок» удачно смоделировал именно фестиваль-собрание стран СНГ и Балтии. Когда прошел процесс естественного или, быть может, противостественного взаимного отталкивания в ходе распада Советского Союза и всей социалистической системы, выяснилось, что культурные мосты оказались все же самыми надежными. Мне кажется, они даже прочнее, чем мосты экономические, хотя и газо-, и нефтепроводы, конечно, соединяют государства ныне крепче, чем узы идеологические. И жизнь подтвердила давно известный тезис, что национальная замкнутость, герметичность для любой культуры, даже самой богатой традициями, смертельна. Русская же культура всегда отличалась всемирной отзывчивостью. И сейчас, когда убрана плакатность, лозунговость, мы имеем по-настоящему праздник искусств и международное событие.

На «Киношоке» было трогательно наблюдать это общение друг с другом и общую ностальгию – ностальгию именно не по империи зла, а по империи добра, как выражается Андрей Битов. Это тоска по культурному пространству, которое было более прочным и более общим, которое, конечно же, существует и является одной из движущих пружин «Киношока».

Так мы все и жили, утомленные не солнцем, а луной, поскольку на фестивалях (не будем и этого скрывать) в основном ночное общение, которое часто затягивается до утра. Это тоже норма той жизни, потому что фестиваль, конеч-

но, не отдых, а тяжелая работа. И надо сказать со всей прямотой, что в таких мероприятиях должны участвовать люди выносливые и здоровые. Потому что энергия мысли, красноречия, памяти, если хотите, возбуждается от соприкосновения с людьми тебе интересными – старыми друзьями и новыми знакомыми, и тут человеческие возможности достигают своего предела выносливости. (Смеется.)

— Как же в таких благостных условиях работало жюри?

— Жюри оказалось в двойственном положении. С одной стороны, у всех развито чувство прекрасно, эстетические критерии и требовательность, конечно же, присутствует. А с другой – понимание, в какой сложной обстановке, прежде всего экономической, создавались фильмы в тех или иных странах.

— И, может быть, психологической.

— Несомненно. Зная совсем недавнюю историю и ситуацию сегодняшнего дня в разных государствах, понимаешь, чем вызвана потребность в создании конкретного фильма. Хотя это лишь только первое приближение к художественному осмыслению тех или иных конфликтов и противоречий. Нередко, честно сказать, диву давались, как при столь скромных и государственных, и спонсорских средствах, которые те или иные страны могут расходовать на кино, они тратятся на такую «осетрину второй свежести». Но здесь я почувствовал по работе жюри, которое блистало и умом, и талантом, с каким желанием все мы смотрели каждую работу и душами нашими выискивали в каждом из фильмов то, за что бы его можно было поощрить и отметить.

— Потому что понятно, какой ценой он сделан?

— И если видели даже перспективу таланта, то старались это отметить тоже. Может быть, неправильно, но как-то мы сошлись во мнении, что строгий аршин искусства здесь, вероятно, нужно отложить на время, надеюсь, в палату эстетических мер и весов.

Живем-то мы все же в небезвоздушном пространстве. И я уверен, что здесь рождаются новые замыслы и режиссеры договариваются с актерами, сценаристы с режиссерами, продюсеры тоже присматриваются, прокатчики примечают. На фестивале узнаются новые имена, поскольку здесь всегда немало работ, созданных совсем молодыми кинематографистами, а люди опытные, в общем-то, всегда видят на вырост – кто будет звездой, а кто, может быть, только сохранит хорошую осанку. Для мэтров же здесь есть возможность подтверждать свою репутацию, что тоже необходимо. Нельзя почитать на лаврах старых заслуг – хотя это вещь приятная, но в наше время нерентабельная.

— Словом, в представленных картинах вы только пытались что-то найти. И вам это удалось?

— Не скажу, что десятый фестиваль был каким-то разочарованием. Но, наверное, не хватало на этот раз какого-то фильма-шедевра. На самом-то деле, по моему глубокому убеждению, а может

Член жюри «Киношока» Святослав Бэлза: «Фестиваль, конечно, не отдых, а тяжелая работа». Фото Ирины Калединой

быть, и опыту, для любого киносмотра достаточно одного фильма-события. Потому что всегда потом вспоминаешь – а, это тот московский фестиваль, где Феллини Гран-при получил. Лучший фильм – всегда эмблема фестиваля. Собственно, и история «Киношока» отмечена такими открытиями.

Но я повторяю, что этот фестиваль привлекателен и силен именно своей атмосферой в отличие от многих других, проходящих, мне кажется, более формально. Здесь важнее настроение людей, стосковавшихся друг по другу. И приятно, что вокруг «Киношока» образовался уже свой круг, который расширяется, меняется, конечно, но есть основной костяк. И «Киношок» стал некоей важной вехой в биографии многих. Я знаю, что знаменитейшие люди, занятые в жизни работой, так планируют гастроли, поездки, выступления, чтобы вырваться в Анапу обязательно. И все мы понимаем, что есть фигуры в искусстве объединительные, которые мы видим здесь, и именно они осуществляют огромную эту работу по восстановлению или образованию нового культурного пространства на новой основе. Такие фигуры, по счастью, есть в каждом народе.

Сегодня это очень важная позиция, которую никто не навязывал сверху и не спускал из отдела культуры ЦК КПСС.

— Мы говорили о национальной замкнутости, которая здесь размыкается. Как это выглядит?

— Дружба народов строится и состоит из дружбы отдельных людей. Еще лучше, если это люди влиятельные, а люди искусства в России и, я думаю, во всех республиках сохраняют влияние на умы. Ведь не только поэт в России больше чем поэт, но уверен, что и киноартист тоже. Вернувшись из Анапы, знаменитые артисты, режиссеры, сценаристы, писатели расскажут, что здесь увидели.

— Что же они расскажут?

— Они расскажут о том, какие интересные видели работы коллег из других стран, как уважительно по-прежнему в России относятся к национальному искусству, о чем, быть может, не слишком процветающие ныне наши соседи знают мало. Я думаю, что все работает на укрепление этих культурных мостов, прочность которых заложена не нами, а предками, и традиции здесь такие мощные, и фундамент оказались настолько прочными, что даже сейсмические общественные потрясения их не разрушили. Конечно, появились тре-

шины, кое-где осыпалась штукатурка, рухнули какие-то ветхие пристройки. И сейчас, когда жизнь как будто нормализуется, то и культуре уделяется больше внимания. Да и во все времена, самые сложные для общества и культуры, одни занимались нитьем, а другие делали дело – Плетнев создавал Российский национальный оркестр, Колобов – «Новую оперу», Анатолий Васильев построил свой новый театр. И праздники – большие, как Всемирная театральная олимпиада, и более камерные, как «Киношок», необходимы и являются своего рода катализаторами, если хотите.

— Святослав Игоревич, когда в Анапе проходил фестиваль, случилась трагедия в Америке и, собственно, на наших глазах рухнула техноквилизация.

— Мне кажется, слухи о гибели цивилизации немного преувеличены, хотя произошедшее, конечно, страшно. Я вернулся после одного из просмотров, включил телевизор, и если бы не значок Си-эн-эн на экране, где непрерывно крутились страшные кадры, можно было бы подумать, что это очередной фильм ужасов, каких видели немало. Мы знаем жанр романа-предупреждения, и в данном случае кинематограф выступил тоже своего рода предупредителем, казалось бы, невозможного, трудно даже предположимого. Ведь всегда находился некий Джеймс Бонд или его коллега, которые в последнюю минуту предотвращали гибель страны или цивилизации. Но вот правы оказались те, кто считает, что все, о чем можно подумать, может случиться. И это уже тот масштаб терроризма, который затрагивает действительно всех, и все сейчас сочувствуют Америке, во всяком случае, христианская цивилизация. И, наверное, пока еще не время говорить о том, что, может быть, Америка в своем высокомерии единственной сохранившейся сверхдержавы тоже повинна, хотя бы отчасти, в той трагедии, которая с ней произошла. Повторю, не время анализировать, но страшно, когда сценарии фильмов ужасов воплощаются в действительности.

Я вспомнил в связи с этими событиями картину Орсона Уэллса «Человек, который видел завтра». Она повествует о Нострадамусе, там есть и три антихриста. Один – Наполеон, второй – Гитлер, а третий – из некоей мусульманской страны, и он предпринимал ракетную атаку, правда, сразу на все крупнейшие столицы одновременно. Важно даже не некое сходство реальных событий с событиями, не раз моделировавшимися в кино и литературе, а то, что сейчас действительно мы стоим на пороге новой эры. Хорошо, если этот вулканический выброс террористических сил был завершением века XX. Гораздо сложнее, если это пролог к веку XXI.

Я убежден, что уроки нравственности после религии наиболее удачно преподносит все-таки искусство. Недаром Фазиль Искандер – писатель и философ, идеалист и мечтатель – выдвинул такой антимарксистский тезис, что не экономика должна быть бази-

сом, а все остальное надстройкой, а совесть должна быть базисом как отдельного человека, так и государства в целом. Вот, казалось бы, это красивая утопия, но, вероятно, Утопию нужно нанести на карту человечества, которое должно к ней постоянно стремиться и, достигая ее берегов, какие-то намечать себе новые Утопии. Ведь речь идет уже о сохранении человека как биологического вида. Я думаю, если бы за нами действительно наблюдали какие-то существа из космоса, то признать сегодня человека разумным, наверное, им было бы трудно. И если поставить себя на их место и увидеть, сколь человечество заражено неким геном, приближающим его к самоубийству, – это действительно может выглядеть страшновато, и именно поэтому, вероятно, они и не вступают с нами в контакт, понимая, что мы еще до этого не дозрели.

Конечно же, технический прогресс во всем мире (и это не открытие) намного опережает прогресс нравственный, и мы еще не готовы ко многим открытиям, которые уже тем не менее сделаны и которые в первую очередь были востребованы военно-промышленным комплексом – в мировом масштабе. Все основные технические открытия, как правило, применяются для создания новых средств уничтожения или способов угрозы, а уже потом в некоем модифицированном виде с большим отставанием во времени бываю использованы (вероятно) во благо человечества, которое, по сути дела, питается обьедками со стола военно-промышленного комплекса. Чарльз Перси Сноу в своей знаменитой речи о двух культурах (не в ленинском понимании) говорил о том, что сейчас опасность таится в слишком большом расхождении науки и культуры – или наук естественных и наук гуманитарных, если хотите.

Мы еще пока переживаем эту трагедию, и я надеюсь, что не произойдет эскалации насилия, жестокости, замешенных на религиозном, идеологическом, не дай Бог, еще и расовом фанатизме, а все-таки человечество одумается.

— Святослав Игоревич, как вы думаете, будет ли в новом веке совершено главное открытие – открытие человеческой души?

— Это будет одно из тех открытий, к которым мы не готовы. Это относится уже к той сфере и к тем вещам, о которых не нужно знать с точностью ученого, в них нужно верить. А человек слишком до многого хочет дотронуться, до чего он дотронуться не готов. Мы немало говорили на эту тему с Грэмом Грином, и, припомню, один из его романов построен на диалоге не слишком ортодоксального католического священника и не слишком ортодоксального коммуниста. Там как раз эта проблема тоже поднимается и доказывается, что вера важнее знания. Точно так же, как искусство способно делать открытия более важные, чем наука. И вот мне кажется, что все исследование в области души, не доверяя их науке, лучше оставить искусству.